

Вторая глава. Варка вина

Цветочек ты мой лазоревый, ага, как же, испугался я перед ним важность напускать! — мысленно усмехнулся Жуань Чаоцин.

Конечно, вслух он этого сказать не посмел. Заметив, что Чжао Лянь сидит не на привычном почетном месте во главе стола, он тут же изменил направление шагов и устроился на нижнем сиденье рядом с ним.

— А ну-ка, сходите принесите еще один жаровенный таз, — не став препираться с Чжао Лянями насчет показной важности, Жуань Чаоцин первым делом отдал приказ солдату, дежурившему у двери.

Сам-то он к холодам привычный, а вот Чжао Лянь — человек изнеженный, холод переносит плохо. Вон от его дыхания уже поднимается легкий туманный пар, того и гляди, к ночи вернется в резиденцию и слежет с простудой.

Жуань Чаоцин виновато улыбнулся, неловко потирая руки и ноги:

— Ванье пожаловал к нам сегодня, какова же цель визита?

Не успел Жуань Чаоцин порадоваться тому, как трогательны эти заботы, как от подобных слов уголки губ Чжао Ляня снова опустились.

— Слышал, чтобы войти в военный лагерь, теперь требуется пропуск. Вот пришел спросить, у кого его выпрашивать, чтобы в следующий раз снова не поцеловать порог.

Тьфу ты, да кого сегодня поставили на ворота? Что за бестолочь! — мысленно выругался Жуань Чаоцин, напрочь забыв, кто вообще отдал этот приказ и кто лично выискивал незнакомого новичка для дежурства у лагерных ворот.

— Какой еще пропуск? Ванье может приходить ко мне, когда душа пожелает, для него двери всегда открыты.

Чжао Лянь издал тихий носовой хмык, но развивать эту тему дальше не стал, переводя разговор на зимнюю одежду.

Ему протянули пиалу с медовой водой, но Чжао Лянь лишь покачал головой, знаком веля поставить ее на низкий столик.

То ли оттого, что приступы кашля были слишком сильными, то ли по какой-то другой причине, но в груди непрерывно давило и ныло.

— Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе!

Чтобы не вдыхать холодный воздух, раздражавший горло, Чжао Лянь по-прежнему прижимал к лицу платок. Его ресницы опустились, а застывший, словно водная гладь, взгляд был прикован к синей ткани.

У Жуань Чаоцина ума палата, словно у чурбана, и от этого Чжао Лянь чувствовал, как внутри закипает злость. Но тут же, подумав обо всем, увял: в конце концов, всё изменилось, разве можно теперь вести себя как ни в чем не бывало?

Подождав еще немного, Жуань Чаоцин так ничего и не сказал. Он лишь ерзал на стузе, словно на иголках, разглядывая то оконные переплеты, то плиты пола, то щербинку на чайной пиале, упорно избегая смотреть на гонзо.

— А-Лянь!

— Ванье...

Слушая звуки удаляющейся повозки, Жуань Чаоцин неподвижно сидел на своем месте, все так же уставившись на скол чайной чашки. Казалось, он глубоко задумался или просто отключился от реальности.

Янь Цзюнь махнул рукой и, воспользовавшись моментом, пока дыхание Чжао Ляня немного выровнялось, ловко заварил для него пиалу медовой воды.

Уже у самых дверей Жуань Чаоцин открыл рот, и Чжао Лянь все же остановился.

Доворив, он больше не замедлял шагу и, не оглядываясь, забрался в повозку.

Чжао Лянь закрыл глаза. Долгое время он молчал, а затем глубоко вздохнул:

— Раз весточку передал, я возвращаюсь.

Пока тыльная сторона ладони Чжао Ляня не покраснела от сильного надавливания, приступ кашля едва ли думал утихать. Янь Цзюнь хотел было продолжить массаж, но Чжао Лянь тяжело задышал и отдернул руку.

Закончив говорить, Чжао Лянь взмахнул рукавом и поднялся, больше не глядя на Жуань Чаоцина, и зашагал к выходу.

Раньше, стоило им сойтись, разговор первым всегда заводил Жуань Чаоцин. Теперь же Чжао Лянь молчал, Жуань Чаоцин в ответ тоже не проронил ни слова, и в комнате повисла тяжелая, ледяная тишина.

Чжао Лянь долго молчал. Кулаки в рукавах то сжимались до боли, то разжимались, и в конце концов он лишь тихо вздохнул:

— Не нужно, пусть генерал занимается своими делами.

Поняв, что Чжао Лянь приехал вовсе не к нему, Жуань Чаоцин не то почувствовал облегчение, не то какую-то непонятную горечь. Чжао Лянь высказался, он лишь буркнул в ответ, и после этого оба погрузились в молчание.

Повозка с глухим скрипом катилась по свежему снегу, и этот звук то и дело заглушался страшным, сотрясающим всё тело кашлем пассажира.

Янь Цзюнь методично поглаживал Чжао Ляня по спине, но на этот раз унять приступ с первой попытки не получалось — напротив, тот грозил разыгаться с новой силой. Видя это, Янь Цзюнь перехватил свободную руку Чжао Ляня и принялся нажимать на акупунктурные точки, но кожа под пальцами оказалась ледяной.

— Я... — Жуань Чаоцин посмотрел на удаляющуюся спину Чжао Ляня, собираясь что-то сказать, но на полуслове передумал: — Я велю кому-нибудь проводить тебя.

Янь Цзюнь только приоткрыл рот, как Чжао Лянь, словно заранее угадав его слова, лишь чуть приподнял веки, и стальной блеск в его глазах мгновенно оборвал так и не слетевшую с языка реплику.

— Выйди.

— Слушаюсь.

Стоило Янь Цзюню уйти, как тесное пространство кареты показалось еще более удушливым, давящим на грудь так, что невозможно было вздохнуть полной грудью.

Хотя повозка шла плавно, медовая жидкость в пиале покрывалась кругами ряби, и когда транспорт слегка тряхнуло на неровности, капли переплеснулись через край, оставив на низком столике влажное кольцо.

Чжао Лянь больше не сидел прямо, а бессильно откинулся на мягкие подушки. Закрыв глаза, он вновь живо представил картину месячной давности.

Отдельный кабинет на втором этаже трактира «Лайсян».

— А-Лянь, ты бы только видел! Вчера я повел отряд кавалерии в Северный военный лагерь и устроил скачки с конниками рода Юнь...

В комнате находились только они вдвоем — один в легком халате, другой закутанный в лисью шубу.

На столе стояла крошечная жаровня, в которой подогревалось рисовое вино, сваренное семейством Тянь.

Вино из семейной лавки Тянь пользовалось наибольшей любовью простого люда, особенно то, что настаивали зимой. Оно было сладким, ароматным и совершенно не хмельным — такое можно было давать даже семилетним детям. Правда, дневной объем продаж был невелик, и столичным жителям приходилось вставать спозаранку, иначе оставалось лишь довольствоваться винными выжимками для варки рисовых шариков.

Ранним утром, закончив разминку с кулачным боем, Жуань Чаоцин неожиданно почувствовал прилив бодрости и побежал к лавке Тянь, ожидая открытия, чтобы сразу купить несколько лян свежего вина. А когда после этого он заглянул в Резиденцию князя Ци, чтобы позвать Чжао Ляня выпить, тот как раз заканчивал утреннюю трапезу.

Они добрались до трактира «Лайсян», велели разогреть для Чжао Ляня рисовое вино, а сам Жуань Чаоцин потребовал два кувшина отменной «Чжуецин». Жители столицы зимой предпочитали пить подогретое вино, но Жуань Чаоцин придерживался иного мнения: чем холоднее напиток, тем лучше. Пиала обжигала горло и разливалась жаром в животе, и от этого столкновения противоположных ощущений по телу разливалось истинное блаженство.

Если бы он узнал, что кто-то еще любит подогревать вино, то непременно стал бы тайком насмехаться над этим человеком — за исключением разве что Чжао Ляня.

Сейчас они сидели напротив друг друга: один пил сладкое, теплое рисовое вино, а другой — обжигающе-холодную крепкую настойку. Несмотря на столь разительное отличие, в одной комнате это сочеталось на редкость гармонично.

Жуань Чаоцин был возбужден и весел. Опрокинув несколько пиал крепкого зелья, он не выказал и тени опьянения.

— Да их кавалерия и в подметки не годится моим людям, а в конном бою сам Юнь Сяо мне не ровня! Завтра же, как только погода прояснится, снова позову этих Юней к себе в лагерь. Посажу старого Юня рядом с тобой, посмотришь, до чего у него кислая физиономия!

Вчера Чжао Лянь ездил во дворец, а Жуань Чаоцин от скуки, без всякого предупреждения, прихватив отряд элитных всадников, заявился прямоком в Северный военный лагерь клана Юнь с требованием провести товарищеский поединок.

Князь Чжэньбэй и Жуань Чаоцин издавна находились в натянутых отношениях — как же он мог стерпеть, чтобы кто-то раскачивал лодку под самым его носом? Недолго думая, старый князь собрал лучших воинов Северного лагеря, но в итоге лишь потерял лицо. На беду, Жуань

Чаоцин принялся триумфально хвастаться, едва не доведя князя Чжэньбэя до драки.

— Я-то знаю твою силу, равных тебе в бою сыщется немного, — с мягкой улыбкой произнес Чжао Лянь, неторопливо зачерпывая половником рисовое вино и бросая на собеседника теплые взгляды.

Нрав у Жуань Чаоцина был дерзким и буйным, а от таких речей Чжао Ляня он не только не смутился, но и загордился еще сильнее. Умел же Чжао Лянь сказать слово! Не то что эти грубые вояки в лагере — те только и умели, что преувеличивать, да так фальшиво, что уши резало.

Видя самодовольный вид Жуань Чаоцина, Чжао Лянь, даже не увидев воочию кислую физиономию князя Чжэньбэя, почувствовал душевный подъем. Уголки его губ, скрытые за краем пиалы, чуть приподнялись.

— А ты попробуй мою «Чжуецин», хозяин лавки приберег ее для меня еще с прошлого года, вкус невероятно мягкий! — Жуань Чаоцин обладал отменным зрением: стоило ему заметить легкий изгиб уголков чужих глаз, как он тут же догадался, какое выражение лица скрывается за маской.

Раз уж Чжао Лянь выдался на редкость благодушным, в нем проснулось озорство.

— Коль тебе не жалко, я непременно отведаю.

Жуань Чаоцин тут же подхватил свою пиалу и широким шагом пересел со своего места прямо к Чжао Ляню. Одной рукой он приобнял его за плечи, а другой поднес пиалу к самым губам.

Чжао Лянь поднял ресницы и встретился с ним взглядом. Жуань Чаоцин выразительно приподнял брови — в его глазах не было и намека на шутку.

Взгляд его стал еще теплее, и Чжао Лянь, припав к руке Жуань Чаоцина, естественным образом прикоснулся тонкими губами к влажному краю пиалы. Стоило ему сделать маленький глоток, как прохладное вино смочило язык и губы.

— Остро?

Не давая Чжао Ляню сделать новый глоток, Жуань Чаоцин отдернул пиалу и с восторгом уставился на него.

Его выражение лица напоминало тринадцати-четырнадцатилетнего мальчишку, который за спиной старших совершил какую-то шалость и теперь ждет похвалы, жаждая одобрения со стороны. Заслужи он сейчас еще и восхищенный взгляд, восторг стал бы и вовсе полнейшим.

«Чжуецин» едва успела коснуться кончика языка, как исчезла, не дойдя до горла. Глядя на одухотворенное лицо Жуань Чаоцина, Чжао Лянь провел языком по еще хранившим прохладу зубам и удовлетворил его любопытство:

— Остро.

— То-то же! — довольный Жуань Чаоцин запрокинул голову и залпом осушил оставшуюся половину пиалы. После чего смачно чмокнул губами, словно пытаясь распробовать послевкусие.

Они сидели так близко, что Чжао Лянь отчетливо видел и кадык, плавно двигавшийся при глотке, и крошечную родинку над изгибом брови.

Хотя «Чжуецин» осталась лишь на кончике языка, Чжао Ляню казалось, будто капли обожгли самую глотку, вызвав легкий зуд. Мгновение спустя во рту появилась сладость — то ли от рисового вина, то ли от вкуса «Чжуецин».

Пожалуй, опьянев от атмосферы, Жуань Чаоцин покосился на стоявшую перед Чжао Лянем пиалу с паром, потянулся к ней и залпом осушил.

— Хах... — от резкой смены температур вырвалось блаженное вздох.

— М? — только он собрался вернуться на свое место, как Чжао Лянь ухватил его за руку. — Что, пожалел для меня глотка?

Слова вертелись на кончике языка, но в конце концов Чжао Лянь лишь легко усмехнулся и небрежно бросил:

— Вернешь долг.

— Какой же ты прижимистый! Ладно, в следующий раз сам куплю тебе еще!

Притворившись рассерженным, Жуань Чаоцин фыркнул и, расправив плечи, вернулся на прежнее место. Однако уголки его глаз и брови так и лучились радостью, которую невозможно было скрыть. Он мысленно поклялся, что не зря тащился спозаранку к лавке Тянь.

— Ладно, в следующий раз купишь.

Жуань Чаоцин снова наполнил пиалу «Чжуецин» до краев и громогласно объявил:

— Не беспокойся, Ваша светлость князь Ци, когда это твой генерал тебя обманывал?

— Мм.

Рисовое вино в маленькой жаровне глухо булькало. Чжао Лянь взял половник, зачерпнул пару ложек и плеснул в котелок, приглушая слишком резво рвущиеся наружу пузырьки.

Жуань Чаоцин извечно любил шум и суету, и для посиделок обычно выбирал именно этот кабинет с видом на улицу.

Когда первый кувшин «Чжуецин» опустел, уличная толпа внизу ожила, и до них стали доноситься обрывки громких голосов.

Из-за жары в теле, вызванной выпитым спиртным, несмотря на зимнюю пору, на лбу Жуань Чаоцина выступил испарина. Он распахнул створки окна, и долетавшие с ветром крики торговцев, споривших о цене, сразу стали намного отчетливее.

— Опять снег пошел, — Жуань Чаоцин сидел у окна, протянув руку к лицу Чжао Ляня, чтобы удостовериться в отсутствии сквозняка, и после этого со спокойной душой свесился с подоконника. Вытянув шею, он с аппетитом наблюдал за тем, как какая-то почтенная матушка внизу ведет ожесточенный торг, попутно пересказывая происходящее Чжао Ляню.

Одна снежинка ловко увернулась от стражи у окна и безмятежно влетела внутрь, прямо в чашу с продолжавшим бурлить рисовым вином, однако хрупкий лепесток не смог остудить поднимающиеся пузыри.

— Цин-гэ.

— Мм? Чего тебе?

Когда Жуань Чаоцин обернулся к Чжао Ляню, веселый блеск в его глазах еще не угас, и эта неудержимая искра прямоком упала в душу Чжао Ляню.

— Я хочу сказать тебе об одной тайне.

— Разве есть что-то, чего я не знаю? — у Жуань Чаоцина разыгралось любопытство, он с предвкушением замер, но заметив, что Чжао Лянь не собирается продолжать, подался вперед и подставил ухо: — Ну же, шепни Цин-гэ, Цин-э обещает никому не рассказывать!

Видя, как Жуань Чаоцин наклонился к нему, Чжао Лянь нервно потер кончики пальцев и приблизился к его уху.

По мере того как шевелились его губы, выражение лица Жуань Чаоцина менялось: сперва промелькнула радость, затем растерянность, а после — полная ошеломленность, из-за чего он долго не мог вымолвить ни слова.

Закончив говорить, Чжао Лянь невозмутимо наблюдал за Жуань Чаоцином, привлеченный тем, как у того нервно задержались покрасневшие уши. Сжав кулаки, он всё же подавил волнение в груди.

— Бац!

Перед глазами мелькнула тень, и Жуань Чаоцин со всего размаху вписался лбом в широко распахнутую оконную створку.

Еще не до конца осознав произошедшее, он с одевеневшей шеей сиганул прямо в окно. Чжао Лянь успел заметить лишь мгновенно вспыхнувшее смуглым румянцем лицо и одиноко раскачивающуюся створку.

У окна никого не осталось, и холодный ветер, лишившись преграды, беспрепятственно ворвался в комнату.

Слушая доносившуюся снизу неожиданную ругань, Чжао Лянь некоторое время совершенно не понимал, как на это реагировать.

— Бах!

Раздался еще один громкий звук — Жуань Чаоцин вернулся.

Открыть дверь, захлопнуть дверь; распахнуть окно, закрыть окно, прыжок — все действия были совершены единым непрерывным движением.

Ругань на улице стала еще яростнее.

<http://bllate.org/book/21017/2136591>